

200 лет храму Пресвятой Троицы с. Охона

«ОСТАНУСЬ ЖИВ, КОМУ РАССКАЖУ – НЕ ПОВЕРЯТ!»

Интервью настоятеля храма Святой Живоначальной Троицы села Охона, митрофорного протоиерея Василия (Денисенко) для кабельного телевидения 2 апреля 1999 года

В последнее время появилась удивительная тенденция, находить потерянные дневники выдающихся людей, опубликовывать их, казалось бы, утраченные письма, обнародовать неизвестные интервью. Споры нет, среди всех этих документов немало подлинников. Однако, принимать за чистую монету то, что было десятилетия под спудом, а теперь вдруг выскочило на поверхность, явно не стоит. Беспринципные журналюги, ремесленники от пера, тонко чувствуют аппетит публики: скандалы, интриги, расследования, «открыть то, что скрыто!» и т. д. Для того, чтобы сорвать куш, они ничем не погнушаются, и напишут самое «подлинное утерянное интервью», с кем хотите, хоть... с Понтием Пилатом. Говорю это затем, чтобы вы поняли, тот материал, который я сегодня решил предложить вашему вниманию, тоже необычный, но он другого поля ягоды. Сегодня, когда Пестовский район отмечает 200-летие Троицкого храма села Охона, я предлагаю вам интервью с великим его настоятелем — митрофорным протоиереем, Василием (Денисенко). Сорок лет его настоятельства (1964–2003), несомненно, самая яркая страница в двухсотлетней истории храма.

Интервью это подлинное. Для кабельного телевидения ЛК 2 апреля 1999 года его взяла у отца Василия корреспондент Татьяна Иванова, снимал оператор Владимир Курак. Отец Василий сидит на стульчике в камиллавке, подряснике и епитрахили спиной к алтарю. Судя по облачениям и аналоев — идет Великий Пост. Старец отвечает на вопросы, рассказывает о своей жизни. Два интервью прокрутили по кабельному, а потом оно надолго засело в самые глубины архива студии «Окно». Не до того тогда было. По моей просьбе Владимир Курак оцифровал видеозапись, а я решил переложить на бумагу, чтобы оно стало достоянием всего района, ибо теперь, когда отца Василия уже нет с нами, так ценно каждое воспоминание, каждая деталь, каждый штрих к его портрету. Это интервью, через пятнадцать лет, как его прощальный поклон нам. Тем, кого дивный этот пастьер крестил, венчал, провожал в вечность без малого сорок лет.

К сожалению, у интервью нет ни начала, ни конца. Я приведу его так, как оно дошло до меня, сохраняя все особенности и переливы цветистой южной речи отца Василия.

... лыжи бросил, и в снегу по грудь пошел. Времени не было учиться. Там же погиб и двоюродный брат, начальник границы он был, финской. Последнее письмо я от него получил, когда они отступали к Питеру. Еще два брата — один лейтенант, когда немца гнали, только вышел из родного дома — и погиб. А другой... вообще неизвестно, где и что. Его матери, моей тете пришло извещение, что он погиб. Когда она это извещение получила, то босиком, по снегу, в метель, в одной сорочке побежала в родную деревню, что за пять километров. Очнувшись, видит, раздетая, голая-босая — вернулась. Но было поздно. Жизнь к ней не возвратилась. Заболела и умерла, от горя ли, от болезни? В роду нашем человек семь-восемь погибли.

Предки же мои были очень крепкие. Я многих еще застал в своем детстве. Знал их условия жизни. Вот, взять двух моих дедушек — они были два брата. Жили в избушке 4х4 метра, не больше нисколько. Труба дымохода сколочена из четырех досок. Чтобы ее закрыть, снизу затыкали тряпками, половиками. Так вот, младший дедушка спал у порога со всей семьей, на земляном полу. Второй — в противоположной стороне того дома. Еще у них сестра была, у которой сын и старая мать. Все в одном

этом доме и жили... Я, вот, жалею о чем — сейчас много чего снимают, но подлинной истории отчего-то не снимают. Ведь крепостное право, допустим, не так давно еще и было. Еще и дома остались. В детстве я помню их — столетние. Крыша соломенная, порог зеленым мохом взят. А здесь не сохранились. Только в Уломе я видел один такой дом.

...В Германии я был в сборном лагере на 25 тысяч человек. Кормили только гнилым и прелым. Хлеб из прелой муки... А мои друзья говорят мне, что нужно переходить в лагерь военнопленных. Быстрее домой, мол, попадем, да и кормят там лучше. Это было так. Помню приезжают в лагерь наши генералы, полковники. Осматривают. Собрали краткое собрание, сказали, что Родина ждет нас. Да, ждет-то, ждет, но... Помню лагерные нары из досок, а на каждой доске имя и адрес выцарапаны гвоздем. Как-то зашел в отдаленную сторону лагеря, а там кладбище — больше двух тысяч столбиков. Немец один пояснил: под каждым столбиком десять-пятнадцать наших военно-пленных. Каждый день на это кладбище ездила двуколка, на которой штабелями — тела. Потом их вываливали в вырытый глубокий ров, засыпали землей, а столбик ставили один. Это так меня поразило... Я считал, помню, всю ночь, сколько же их похоронено... Думаю, вот, может быть и брат мой здесь лежит... Решил, что оставаться тут нельзя. Нашел земляков и говорю им:

«Уходить нужно. Или вот под теми столбиками всех нас похоронят, или угонят невесть куда — все ж разрушено. Восстанавливать кто будет?» Сказать-то легко... Нас, к тому же, перестали выпускать из лагеря. Некоторые военнопленные достали полторку и стали на ней ездить на разбой. Выберут дом побогаче, для острастки обстреляют его. Потом врываются и перепуганным хозяевам говорят: «Вы за Сталина, или за Гитлера?» — голосование устраивают. Хозяева трясутся: «Хайль, Сталин!» кричат, — Все забирайте, только не убивайте нас!» И так удачно у них все шло до одного случая. Обстреляли дом, а там оказался английский штаб. Им ответили выстрелами. Заключенные подумали, что там прячутся эсэсовцы. Ворвались: «Хенде хох!» — орут. Англичане руки вверх подняли, конечно, да перед этим они уже вызвали танки. И вот этих пленных вторично взяли в плен, а лагерь закрыли. Но у меня на ту пору было большое богатство — ножницы по металлу. Сколько ни шарил, никогда их не находили. Я в старый такой, ветхий матрас их прячу, а нужно выбраться — окошко в проволоке вырежу, и пошел. (Я, когда и освободился, не расставался с ними). Так вот, мы с двумя земляками вышли из лагеря и вперед. Нам встретились жандармы, стали нас обстреливать. Мы залегли в воронки — их тогда в земле много было. Ждали до темноты. Потом ребята спрашивают: «Вася, что делать-то будем?» Вот, тоже, я ж самый молодой из них — 19 лет всего, а, как что делать, у меня спрашивают. Я говорю, что за продукты нам могут и помочь. Стали выяснять, кто что прихватил. Я у повара выменял пачку масла, кинул ее в карман, а вспомнил, коффе оно уже по ноге растеклось. У кого-то коффе был, у другого спички. Дошли до станции и прямо к начальнику. Он коффе любил, а достать негде. Тут обрадовался, пообещал посадить на поезд из Бельгии. Помню, ночью ветер, дождь проливной, спрятаться негде. Я уморился, посреди дороги лег, под голову бульжник — и так уснул. Просыпаюсь в луже — такой дождь сильный был. Приходит поезд — одни площадки. На них везли детали для кораблей. Никаких вагонов. Мы-то думали хоть под крышей полежать, пообсохнуть. Ну, выбирать не будешь. Прыгнули — прощай Германия! А впереди посты на Рейне. Но благополучно перехали Рейн, проехали Оснабрюк. Там я встретил своего знакомого югославца. Вспомнил тоже, как стоял у трупа другого югославца и горевал о нем...

А как вышло — мы бежали, с воздуха обстреливали, бомбили. Я потек в одну сторону, а он только в другую повернул — и тут и убило. На моих глазах. И вот лежит Петр, здоровый красивый парень, а в боку у него осколок, а по осколку в землю течет кровь. А бомбили так, что зеленой травы не было. Я помню, стоял еще и думал, что если жив останусь и расскажу кому, что травы не было, а только бурая взрытая земля — не поверят.

Помню, когда союзнические войска бомбили немецкие города я в воронке нашел себе убежище. Вокруг — бомбы летят, деревья летят! К земле прижался, подполз к дороге. На коленках стою, молюсь. Я везде молился. В каждом лагере. Где только возможно. На нарах молился. Ну так вот, в окопе у дороги молюсь, прибегает немка молодая, из богатых — графиня, не графиня... Немец молодой тоже с ней — рука покалечена. Я его узнал. Он на ферме иногда командовал, когда мы там работали. Русских не бил, не угрожал, как другие. Немка меня обхватила вокруг, трясется. А немец кричит: «Ваша, Ваша, молись! Хлеба дадим!» Бомбардировка больше часа продолжалась. Выбрались — каша! Убитые люди, деревья, земля перевернута!

Пошел дальше. Дорога — бульжники. По ней везли раненых на телегах. Немцы, какие-то в погонах еще... Голова висит, кровь течет. Так вот эта кровь по бульжнику текла как вода после дождя. Я пробирался дальше. Когда кто спрашивал, говорил, что лагерь разбили. Нужно найти миску и ложку — основное...

(Продолжение следует)
Переложил Алексей ВИНОГРАДОВ
Фото из архива газеты «Наша жизнь»